

Состояние уголовного права: «пороги» и «пороки» научного осмысления

Бочкарёв С.А.

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права РАН,
Заместитель главного редактора
Российского журнала правовых исследований
E-mail: bochkarvs@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирован опыт научного осмысления современного состояния отечественного уголовного права. Предпринята попытка выявления основных критериев и показателей, которыми руководствуются специалисты при оценке и характеристике положения дел в уголовно-правовой сфере. По итогам исследования высказано и обосновано мнение о том, что используемые учеными приемы и методы нельзя признать выверенным и ориентированным на достоверное и целостное отображение состояния уголовного права, а их рассуждения отличаются фрагментарностью и оппозиционностью по отношению к иным источникам и субъектам знаний.

Ключевые слова: состояние права, состояние уголовного права, индикаторы, показатели, тип научной рациональности, иррациональность, законодатель, правоприменитель, обыватель, научное сообщество, наука, научность, кризис.

Актуальность заявленной темы сложно переоценить. Необходимость перманентной оценки состояния уголовного права можно объяснить целым рядом вполне веских причин. Их число не уменьшается. Самым условным образом детерминанты можно подразделить на микро-, макро- и метауровни. Остановимся на некоторых из них.

Одна из причин связана с внутренней специфичностью самого уголовного права. Оно призвано оперировать неотъемлемыми, самыми насущными и чувствительными для индивида и всего общества ценностями (жизнью, свободой, собственностью и т.д.). Уголовному праву предначертано в синхронном режиме заниматься и охраной отмеченных благ, и их соразмерным ограничением или даже отъемом у виновных лиц. Поэтому всегда важно следить за тем, чтобы право в своем практическом выражении отвечало собственному назначению, его повседневное функционирование или историческая трансформация не приводили к изменению своим бытийным основам.

Другая причина, объясняющая злободневность темы, связана с социальной обусловленностью уголовного права, с традиционно повышенным к нему интересом его основных субъектов — личности, общества и государства, со вниманием каждого из них к своему положению в системе этого права, с заботой о равноправных условиях доступа к его охранительным механизмам и ресурсам.

В переходные периоды, один из которых по общему признанию в настоящее время переживает российское общество, чуткость социума к уголовно-правовой проблематике значительно возрастает. Восприимчивость обостряется под влиянием социальных антагонизмов, которые в транзитивных обществах достигают предельных значений.

Третья причина обусловлена многогранностью уголовного права, его местом в ряду других социальных регуляторов, зависимостью от состояния иных отраслей права, сфер жизнедеятельности и окружающей среды. Глобализирующийся мир привнес в отмеченную зависимость свои коррективы, увеличил число образующих ее постоянных и переменных факторов. Отвечая своему основному призванию, этот мир самым первым делом значительно расширил круг заинтересованных в рассматриваемом праве лиц, приумножил внимание к его состоянию, добавил новые точки для обзора этого права.

С момента имплементации отечественного законодательства в систему международного права и участия России в различных интеграционных процессах, вхождения в состав надгосударственных органов правосудия и правопорядка, ее уголовно-правовое устройство почти автоматически попало под наблюдение разнообразных интернациональных институтов. При этом дело не ограничилось любопытством правозащитных организаций и необходимостью исполнения РФ своих обязательств перед международным сообществом.

Вскрылись целенаправленные процессы по «захвату», — как пишет Е. Вайгенд, — национальных юрисдикций в сфере уголовного право творчества и правореализации. На примере правовых предписаний наднациональных органов Европейского союза представитель немецкой уголовно-правовой науки продемонстрировал, что в реальности за безобидной гармонизацией уголовного законодательства стран-участников сообщества скрывается экспансия по отношению к традиционным правовым системам, «покушение» на их культуру уголовно-правового регулирования¹. Схожие опасения высказаны М. Швар-

¹ См.: Weigend E. Europeizacja prawa karnego w świetle Konstytucji Europejskiej // Państwo i Prawo. 2005. № 6. S. 11–29.

цем. Им замечено, что все чаще органы управления Европейского союза в сфере уголовного судопроизводства прибегают не к рамочным решениям, а к обязывающим директивам. С их помощью ограничиваются контрольные функции и Европейского суда, и национальных судов. Международное уголовно-правовое сотрудничество, которое должно осуществляться государствами на основе единой цели, в условиях свободы выбора форм и средств его достижения превращается в регулируемую и управляемую кооперацию². Основная задача этой кооперации, как отмечает Э. Херлин-Карнелл, состоит в обеспечении эффективности судопроизводства, а не в сохранении ценностей правосудия³.

Российская уголовно-правовая система не стоит в стороне от отмеченных процессов. Она также подвергается давлению, находится в гуще транснациональных конфликтов. Зарубежные инстанции «судят» и «осуждают» отечественное правосудие, в некоторых случаях даже «приговаривают» к определенным решениям. Известны примеры, когда российская практика уголовного судопроизводства становилась предметом оценки иностранных судов, признавалась несправедливой и порочной. На слуху также ряд решений Европейского суда, которые не получили поддержки Конституционного Суда РФ, в связи с чем последний занялся исследованием вопроса о пределах вмешательства международной компетенции в национальное право и возможности ее ограничения⁴. Можно ли назвать такие столкновения интеграцией? Вряд ли. А.Э. Жалинский справедливо усматривал в подобных процессах деятельность по замене национальной уголовной власти на иностранную уголовно-правовую власть. Правовед с досадой отмечал, что в отличие от зарубежной литературы в отечественных источниках не проводятся операции по «взвешиванию» негативных последствий отмеченных тенденций⁵.

Очевидно, что трансформация охраняемого социального уклада ослабила уровень суверенитета субъектов этой системы и изнутри. Сегодня национальное право уже не является их исключительной прерогативой. Процессы глобализации

поставили волю законотворцев во взаимозависимость с целым кругом не связанных с национальными интересами факторов, явлений и процессов, их состоянием. Достаточно упомянуть, что широкий перечень транснациональных финансовых регуляторов, бизнес-групп и корпораций сегодня определяют политику своего отношения к РФ и поведения на ее территории не без учета реализации властями конкретных уголовно-правовых решений. От исхода некоторых из них, судя по биржевой динамике, в самой непосредственной корреляции состоят ликвидность отечественных предприятий, стоимость национальной валюты, текущая и среднесрочная платежеспособность бюджетов различных уровней.

В большом объеме судопроизводства каждый из отмеченных субъектов отыскивает знакомые, по его мнению, уголовные дела и, судя по способам и результатам их разрешения, делает выводы об инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности отечественных рынков, правовой защищенности их участников, а в целом — о дееспособности и зрелости общества, об уровне его цивилизованности. По субъектно-объектной направленности местной уголовной политики определяют приоритеты власти, степень ее лояльности, уровень аполитичности судебной системы и других органов правопорядка.

Таковы некоторые причины, которые весьма убедительно определяют необходимость постоянного наблюдения за состоянием уголовного права, фиксации и измерения его самых различных проявлений. Они, надо полагать, универсальны и характерны для большинства правовых систем. Отдельные особенности в состав этих причин, их актуальность и первостепенность могут привноситься культурно-историческим контекстом, в пределах которого действует соответствующая система права.

Но отмеченные причины, как ни странно, могут свидетельствовать и об обратной стороне поднятой темы. Они указывают на то, что обозначенная в названии статьи проблематика далеко не нова. Явно или неявно ею задаются многие. Наименования проводимых в научно-практической сфере исследований служат тому убедительным подтверждением. Они перенасыщены ссылками на усилия авторов по оценке «состояния» явлений и процессов, связанных с функционированием уголовно-правового механизма. Массовая сосредоточенность на производимых этим механизмом качественных и количественных показателях порой создает впечатление об определенной отработанности темы.

И в действительности источники переполнены характеристикой уголовно-правового положения дел в стране. Большинство высказывающихся на сей счет специалистов уверено в кризисном состоянии отечественного уголов-

² См.: Szwarc M. Decyzje ramowe jako instrument harmonizacji prawa karnego w UE // Państwo i Prawo. 2005. № 7. S. 22–38.

³ См.: Herlin-Karnell E. The Constitutional Dimension of European Criminal Law. Oxford: Hart Publishing, 2012. URL: <http://ssrn.com/abstract=2349165>

⁴ См.: В Конституционном Суде обсудили перезагрузку отношений со Страсбургом // Коммерсант. 2014. 11 дек.; Дан отказ ему на Запад. ЕСПЧ и Россия не идут навстречу друг другу // Там же. 2014. 16 дек.

⁵ См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2008. С. 221; Он же. Уголовно-правовые транснациональные конфликты в сфере экономики // Закон. 2011. № 9. С. 57–66.

ного права. Одни ведут речь о стагнации науки, другие — о бессистемном и безыдейном законодательстве, третьи — о беспорядочной практике правоприменения, а все в целом — о неверной и ошибочной уголовной политике⁶. В меньшинстве находятся те, кто считает, что право вполне сносно справляется со своими задачами. Практически незаметны такие мнения, в которых российский опыт установления и наведения уголовного правопорядка признается успешным.

Однако оснований для пессимизма не существует. Представляется, что заявленная тема еще не исчерпана. Не вскрыты и тщательно не исследованы ее внутренняя устроенность и организованность, пределы и масштабы. Не обнаружено, возможно, главное — не идентифицирован общий знаменатель, способный отражать состояние почти всех или самых основных составляющих уголовного права. Не замечено и то, что упомянутым множеством источников невольно выкристаллизована и уже предложена на вакантное место знаменателя категория «состояния», которая всем известна, в меру понятна, широко и часто обиходно используется в различных контекстах, но еще не признана в теории уголовного права и не обоснована как понятие, имеющее собственное значение.

Иначе говоря, еще тщательно не познана подлинная актуальность избранной темы, которая сегодня вполне возможно сокрыта в вопросе о том, что такое «состояние уголовного права». Не обращено внимание и на то, что уверенность в определенном «состоянии» выступает одной из отправных точек почти для всякого уголовно-правового рассуждения. Очень часто именно знание о состоянии предрасполагает и сподвигает автора на вполне конкретные уголовно-правовые соображения, решения и даже действия.

Не найдены ответы и на другие весьма насущные вопросы. Не выяснено, в каком значении можно говорить о «состоянии». Чего в этой категории больше: объективного или субъективного, идеального или материального? Целесообразно ли вообще о «состоянии» вести речь? Является ли оно бутафорией или сугубо житейской дефиницией? Если же нет, то способна ли эта категория при тщательной разработке претендовать на статус искомого общего знаменателя, способного отражать состояние уголовного права. От правильного разрешения поставленных вопросов

зависит вывод о том, в каждом ли суждении о состоянии уголовного права речь в действительности идет о «состоянии» в собственном смысле этого слова. Или же пользователи недооценивают содержание понятия, злоупотребляют и даже спекулируют им, напрасно используют его потенциал, с помощью отмеченной категории преувеличивают масштаб и значимость своих утверждений.

Эмпирический материал, возможно содержащий в себе ответы на поставленные вопросы, весьма разнообразен. Его дальнейшее исследование убедит в том, что актуальность заявленной проблематики наверняка можно только недооценить. В аргументах, обосновывающих состояние современного российского уголовного права, часто используется категория «состояние», но ее содержание, как правило, не раскрывается. В большинстве случаев исследователи оговаривают набор выбранных ими по своему усмотрению критериев, с помощью которых собираются оценивать состояние права. Но они еще не проявляли подлинного интереса к методологическому потенциалу отмеченной категории. Не использовали ее как форму (модель) для определенного фокусирования своего взгляда на право. Возможно, через поиск ответа на вопрос о том, как сегодня оценивают состояние уголовного права, мы найдем ответ и на вопрос о том, что такое состояние права.

Точки зрения

Ученый мир в своем большинстве в отношении к состоянию уголовного права практически однороден. Разница во взглядах, конечно, имеется, но она не влияет существенным образом на конечные выводы их авторов, не меняет общую картину. Внушительный ряд специалистов утверждает, что наблюдается кризис уголовного права, и традиционно обращает свой взор на законодателя. По их убеждению, именно законодатель виновен в том, что из первоначально цельного и системного акта уголовный закон превратился в некое лоскутное одеяло, наполнился внутренними противоречиями. Он стал включать в себя совершенно ненужные для него нормы. Благодаря усердию «законописцев», как их называют деятели науки, в Уголовный кодекс стали проникать институты и традиции других отраслей права, которым там явно не место. Решившись на эту вакханалию в рамках УК, законодатель распространил ее и на другие отрасли права, смежные с уголовным.

Представители общей теории права подтверждают отмеченные наблюдения. Утверждают, что законодательство, проходя в 1990–2000-х гг. очередной цикл своего реформирования, пришло в итоге к современному состоянию, при котором оно во многом перестало отвечать общественным

⁶ См.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006; Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112–117; Гладких В.И. Еще раз о кризисе российской уголовной политики // Вопросы правоведения. 2013. № 4 (20). С. 54–66; Айвар Л.К. О кризисе уголовной политики // Евразийский юридический журнал. 2009. № 7 (14) и др.

потребностям⁷. Стихийность динамики законодательного массива и отраслевая «неразбериха» привели к падению роли закона и законотворчества, к усилению кризисных тенденций в праве, которые сегодня охватывает все новые сферы и грозят привести к серьезной девальвации данного института⁸.

В результате нерационального правотворчества Уголовный кодекс потерял системность — важнейшее качество для любого кодифицированного нормативного правового акта. По оценкам представителей науки, трансформация УК производилась законодателем беспорядочно. При этом некоторые из составов сформулированы так, что в текстах новелл не могут разобрататься ни ученые, ни практики. На сессии Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося в 2007 г., ученые сошлись во мнении, что ситуация в области уголовного правотворчества становится опасной для общества и государства. Пользоваться сегодняшним разбалансированным законом по борьбе с преступностью невозможно. По прогнозам ученых, если эта практика будет продолжаться, то система уголовного законодательства просто встанет, а то и развалится.

Причин у сложившегося положения несколько, но основная заключается в обезнаучивании и депрофессионализации законопроектной работы. Проблема видится в чрезмерно вольном и попросту безграмотном законодателе. Не каждый из них, по мнению ученых, занимается своим делом. Другая причина состоит в том, что ученых выдавили из сфер их традиционного влияния. С их мнением сегодня не считаются⁹.

Молодые специалисты не менее категоричны. По их оценкам, корректировочная работа законодателя привела к тому, что УК стал бессистемным, в нем утратилась ясная, объективно обусловленная концепция. По ряду основополагающих вопросов уголовный закон не выдерживает никакой критики и не соответствует современным реалиям. Такие принципы, как законность, вина и справедливость, приобрели в нем декларативный характер. Некоторые уголовно-право-

вые нормы провоцируют злоупотребления, не препятствуют проявлению субъективизма при квалификации деяний, позволяют произвольно выбирать размер наказания в пределах неоправданно широкого диапазона наказаний¹⁰.

Другая группа юристов более самокритична. В некоторой степени они разделяют ответственность за проигрыш в борьбе с преступностью. Основную причину безуспешного противостояния криминалу они, конечно, также усматривают в пороках законодательной деятельности. Подчеркивают, что правотворчество не имеет фундаментального анализа и прогноза¹¹. Заявляют о том, что Конституция РФ не всегда служит ориентиром для законодателя. Последний часто забывает, что именно Основной закон «есть магистральный путь в борьбе с преступностью»¹². Основные провалы в российском уголовно-правовом законодательстве специалисты связывают с тем, что оно осуществляется заинтересованными чиновниками и их подручными в собственных интересах на основе возможной выгоды, логических умозаключений и демагогических рассуждений¹³.

Однако отмеченные правоведами также ведут речь и о недостатках в собственной работе, не дают пенять только лишь на неосмотрительного законодателя. Они признают, что наука сегодня не дает ожидаемого результата. В.Н. Кудрявцев писал, что её нынешнее положение обусловлено недостаточной связанностью с реальностью. Науку уголовного права нужно модернизировать, поскольку она не решает проблем, появляющихся в связи с изменением времени, людей и их ценностей, которые в «XXI в. уже не те, что сто или даже пятьдесят лет назад». Она «нуждается в глубоком анализе демографии, статистики, а также в социологических и психологических исследованиях, сравнительном правоведении, и, разумеется, прогностике, основанной на понимании тенденций социального, экономического, политического и культурного развития страны»¹⁴.

Еще более неутешительную диагностику уголовно-правовой науке дал В.В. Лунеев. По его оценкам, «реальная научная деятельность имеет множество недостатков. Сохраняется, с одной

⁷ См.: Радченко В.И., Иванюк О.А., Плюгина И.В., Цирина А.М., Чернобель Г.Т. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 3.

⁸ См.: Власенко Н.А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 40-43.

⁹ См.: Бойко А.И., Голик Ю.В., Елисеев С.А., Иногамова-Хегай Л.В., Комиссаров В.С., Коняхин В.П., Коробеев А.И., Лопашенко Н.А., Якушин В.А. Ошибки в Уголовном кодексе. Постоянные изменения в УК наполнили его противоречиями // Российская газета. 2010; Парог А.И. Российское уголовное законодательство: состояние и перспективы // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: материалы Восьмой Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 27-28 янв. 2011 г.). М.: Проспект, 2011. С. 3-8; Гладких В.И. О некоторых тенденциях современного уголовного законодательства // Вестник Университета (Гос. ун-т управления). 2012. № 14-1. С. 232-235 и др.

¹⁰ См.: Кодекс раскрыли в лоскуты. Молодые юристы предлагают принять новый УК // Российская газета. 2010. 16 сент.

¹¹ См.: Лунеев В.В. Кому оно служит, уголовное законодательство? // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 2 (2). С. 104-135.

¹² Кудрявцев В.Н., Кузнецова Н.Ф., Комиссаров В.С., Лунеев В.В. Конституция — это закон и для Государственной Думы // Государство и право. 2007. № 5. С. 13-16.

¹³ См.: Лунеев В.В. Проблемы российского уголовного-правового законодательства (ч. I) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 2 (29). С. 48.

¹⁴ Кудрявцев В.Н. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. № 5. С. 130-131.

стороны, относительно низкий уровень влияния фундаментальной и прикладной науки криминального цикла на принятие актуальных решений в стране; с другой — недостаточный инновационный уровень развития самой науки, которая, как правило, редко выходит за пределы догматики уголовного права и процесса, мало занимается проблемами фундаментального характера»¹⁵.

По наблюдениям криминолога, накопление знаний в науках криминального цикла, если их можно назвать знаниями, идет по наиболее легким путям. Один из них квалифицирован как механическое списывание законодательных норм так называемых развитых стран без учета национального колорита. Программа другого пути предусматривает выбор соискателем нормы УК РФ, ее рассмотрение с различных сторон, ознакомление с мнениями других, изучение нескольких уголовных дел, придумывание новой части к статье и всё... Суть диссертаций сводится к толкованию терминов. Как следствие, отмечает правовед, вынужденно сформировалась новая дружная школа логико-догматического апологического направления. В рамках этой школы подготовка юристов осуществляется на основе логического и догматического анализа правовых явлений с выборочной оценкой реалий. Профессорско-преподавательский состав старшего поколения не имеет фундаментальной подготовки по социологии права, статистике, информатике и математике, в том числе высшей. Каждое научное или учебное государственное учреждение работает по своему местечковому плану. Научные силы разрознены. Они выполняют свои, частные или даже личностные задачи, не зная того, что делается у соседа¹⁶.

«Пороги» научного осмысления

Оценки обеих групп, безусловно, впечатляют. Представления ни одной из них нельзя недооценивать и уже тем более игнорировать. Без выделения точки зрения, к примеру, второй группы специалистов могла бы сформироваться искаженная картина. У стороннего наблюдателя наверняка сложилось бы мнение о том, что кризис законодателя является сугубо его внутренним делом, продиктован целой чередой субъективных, ошибочных решений. Как будто бы этот кризис в законодательном процессе настиг его участников и продолжает их обуревать в условиях почти совершенной или, как минимум, самодостаточной науки уголовного права. Не хотелось бы допустить, что подобного рода убеждения составляют

реальную основу взглядов первой группы криминалистов. Хотя единичные примеры убежденности в удовлетворительном качестве науки все же имеются.

В целом же, юристы достаточно убедительны. Их доводы отличает ясность и простота, а сформулированные заявления и выдвинутые требования — широта и смелость. С позиции К. Поппера, продолжительно занимавшегося проблемой рационализации науки, поиском ее отличий от псевдонауки, можно сказать, что аргументы правоведов в основной своей массе научны. Этому существует достаточно подтверждений. Во-первых, перед «походом» на уголовное право криминалисты вполне успешно решили проблему критерия, который они используют в качестве средства для опровержения дееспособности и эффективности действующего уголовно-правового порядка, для подтверждения высокой степени мифичности или, точнее, ложности реализуемого им пути по противодействию криминалу¹⁷. Таким критерием без существенных сомнений и долгих разногласий стал один из основных элементов всего права — его система. С учетом того, что под системой права понимается внутреннее строение его структуры, вряд ли можно было найти более убедительный и, вероятно, достоверный показатель, характеризующий состояние уголовного права в целом. Поскольку принято считать, что в системности сосредоточена его целостность и внутренняя согласованность, то специалисты первым делом обратили внимание на разбалансированность и противоречивость уголовного закона.

Во-вторых, правоведы также уверенно определились с той областью социальной практики, которую они с помощью избранного критерия уже продолжительное время решительно ревизуют. Как видно, их выбор пал в основном на законодателя и на производимый им продукт. Предпочтение, безусловно, небесспорное, поскольку именно на долю закона и его творца во всяком цивилизованном обществе выпадает задача по организации и безопасному функционированию социума. Низкое качество законопроектной работы и ее конечного результата, их ошибочность или в лучшем случае бесполезность стали для ученых основным предметом внимания. Широко

¹⁵ Лунеев В.В. Проблемы уголовного права и других наук криминального цикла // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков. М.: Юрайт, 2010. С. 21.

¹⁶ См.: Лунеев В.В. Проблемы российского уголовно-правового законодательства (ч. I). С. 48–59.

¹⁷ См., напр.: Максимов С.В. «Уголовно-правовые мифы» как элемент современной нормотворческой культуры. URL: blog.pravo.ru/blog/3098.html (дата обращения — 10 ноября 2014 г.); Волженкин Б.В. Мифы уголовной статистики и реальности экономической преступности или реальности уголовной статистики и мифы об экономической преступности // Уголовное право в XXI в.: материалы междунар. конф. на юрид. фак-те МГУ. М.: ЛэксЭст, 2002. С. 82–86; Кауфман М.А. Аналогия в уголовном праве: мифы и реальность // Российская юстиция. 2005. № 12. С. 12–16; Кудрявцев В.Л. Конституционно-правовое уголовное судопроизводство: миф или правовая реальность? // Евразийская адвокатура. 2013. № 3 (4). С. 64–71 и др.

используемый представительным органом метод проб и ошибок предоставил специалистам богатый жизненный материал. Изобилие эмпирических данных, подпитываемое активностью законодателя, позволило деятелям науки оперативно определиться с диагнозом — кризисом уголовного права.

Повседневная социальная практика стала в их руках определяющим аргументом, поскольку она способна при минимальном соучастии человека на собственном эволюционном уровне отбирать законы, выбирать из них лучшие, нивелировать значение малопригодных нормативных актов. Роль индивида в этом деле состоит в умении правильно оценивать окружающую действительность, чего, по мнению специалистов, невозможно достичь без научных знаний и методов. В условиях современного кризиса опыт им подсказывает «единственно возможный выход — это начать все заново, с самого начала», по выражению К. Поппера¹⁸. Текущее состояние правопорядка, иными словами, диктует правоведам необходимость принятия простого решения — отторжения действующего уголовно-правового уклада и введения взамен его нового или обновленного уложения. Речь идет о принятии нового УК РФ или о качественном изменении редакции функционирующего уголовного закона, что в действительности широко обсуждается в литературе.

В допущенных законодателем ошибках представители науки находят себя. Процессом выявления недостатков они оправдывают свое назначение. Их обилием и пагубным влиянием на общество, своей способностью находить и правильно интерпретировать социальную действительность обосновывают необходимость повышения статуса науки, ее большего вовлечения в правотворческий процесс для преодоления сложившихся и накопившихся проблем. В умелой и кумулятивной способности разрешать дилеммы специалисты видят свою научность, механизм развития знания об уголовном праве в целом.

Собственно научной составляющей кризиса уголовного права внимания в отраслевых источниках уделено немного. Сбои в процессе подготовки научных кадров, невысокий уровень их потенциала отнесены к числу второстепенных факторов, омрачающих и лишь дополняющих общую характеристику права. Их связь с генеральной причиной не прояснена. Возможно, она не исследуется потому, что большинство все же убеждено в обоснованности позиции А.В. Наумова о самодостаточности науки, которая, по его мнению, сложилась в XVIII–XIX вв., и с тех пор удел уголовного права состоит в эволюционном и органическом развитии, в приспособлении сво-

их давних идей к новым реалиям¹⁹.

Однако обращение к литературе названных веков не подтверждает состоятельность позиции А.В. Наумова. Авторитетными источниками признано, что отмеченные времена дали не самые лучшие плоды. XIX в., к авторитету которого апеллирует юрист, для уголовного права и всей юридической науки, по свидетельству В.С. Соловьева, являлся смутным временем. В обозначенный период высокий нравственный авторитет юриспруденции был утерян. Б.Н. Чичерин и Л.И. Петражицкий единогласно утверждали о разложении правосознания в современной для них науке²⁰. XIX в., добавлял П.И. Новгородцев, ознаменовался для теории права некоторыми печальными результатами²¹.

Затруднительно и сегодня найти в литературе убедительное подтверждение мнению А.В. Наумова. Не большой, но впечатляющий своим качеством объем новых знаний, накопившихся в важных для права отраслях науки, требует пересмотра основ его ключевых институтов. Успехи, к примеру, психологической науки убеждают специалистов в том, что ранее адаптированная правом в нуждах конструирования института вины психоаналитическая концепция времен З. Фрейда, его непосредственных предшественников и последователей, утратила связь с действительностью. Потолок её потенциала, по оценкам профессора Фордхемского университета в Нью-Йорке Деборы Денно, был достигнут и исчерпан еще в 1950–1960-х гг. Однако данные пределы не были вовремя диагностированы. Освоение последующего развития культуры было продолжено средствами фрейдистской теории.

Передовыми исследованиями установлено, что до сих пор господствующая в уголовном праве психологическая концепция, ее дефинициарный аппарат (язык) уже не вмещает в себя и тем более не силах отражать происходящие в современном человеке психофизиологические процессы. Выявлены и другие недостатки. В частности, обнаружено, что она предназначена для описания преимущественно индивидуального поведения и мало пригодна для оценки групповых конфликтов. Излишне многое в этой концепции необоснованно отнесено к разряду бессознательного и в силу этого исключено из сферы юридических оценок. Прогрессистские открытия в области сознания в конечном итоге указывают на то, что

¹⁸ Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2004. С. 11–12.

¹⁹ См.: Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 138.

²⁰ См.: Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и Ко, 1900. С. 24; Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. С. 420.

²¹ См.: Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. М.: Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1901. Год XII, кн. 56 (I). С. 112–129.

апробированные в прошлых веках психологические концепты сегодня искажают и существенно снижают значение субъективной стороны преступления²².

«Пороки» научного осмысления

Дальнейший разбор позиции А.В. Наумова может быть полезен, но вряд ли необходим для нашего исследования. Не хотелось бы за частностями размывать его основную идею. Она же состоит в стремлении проверить самодостаточность более общих значений, при помощи которых сегодня оценивают современное состояние российского уголовного права. Эта цель, как может показаться, уже достигнута. Многие и, возможно, главное о текущем положении отмеченной отрасли права уже сказано. Научная обоснованность сформулированных криминалистами выводов не вызывает сомнений. Однако в действительности не все так однозначно. Незначительные изменения в эпистемологической модели восприятия интересующего нас научного опыта по определению состояния права могут привести к неожиданным, а в некоторых случаях и к прямо противоположным результатам.

Отступление от традиционных для отечественной теории уголовного права логико-позитивистских и критико-рационалистических представлений о науке и повторный анализ вышеприведенных оценок правоведов с позиции Т. Куна или Т. Райхенбаха, считающихся оппонентами К. Поппера, способны существенно поколебать выводы о кризисе уголовного права и его первопричинах. Их концепциям под силу развернуть наши взгляды вспять и убедить в том, что суждения криминалистов об удручающем состоянии отмеченной отрасли права недостаточно полны, объективны и даже откровенны.

Самым первым делом воззрения отмеченных мыслителей обращают внимание на узость того состава критериев научности, которые специалисты используют для определения и объяснения причинно-следственных связей, существующих между правом как онтологической необходимостью и его состояниями как нашим видением этого права. Сегодня состав этих критериев и логика их применения ограничена гносеологической системой «субъект — объект», в которой уголовное право как объект познания рассматривается в качестве единственного источника знания о себе. Специалисты не обращают должного внимания на познающего субъекта, то есть на самих себя и на качество собственного труда, его издержки. В значительной мере игнорируются и существующие и действующие между субъектом и объектом

механизмы когерентности и взаимодействия. Не учитывают одну из основных аксиом теории познания о том, что без выявления степени активности субъекта и его роли в познавательном процессе нельзя вскрыть и подлинный характер объекта. В конечном итоге игнорирование субъекта познания не позволяет удостовериться в объективности данных им оценок, получить ответы на вопросы о том, что главным образом повлияло на экспертные выводы о кризисе уголовного права? Только ли состояние умпостигаемого объекта? Или же существуют и другие, возможно, субъективные причины, которые еще не вскрыты теорией права и не вовлечены в процессы верификации?

Дальнейшее рассмотрение примеров подтверждает наличие таких причин и той существенной роли, которую они играют в образовании отечественного уголовно-правового знания, а самое главное — основной тезис Т. Куна о том, что вывод ученого может формироваться под воздействием не только «когнитивных» факторов, но напрямую зависит от убеждений, авторитетов, социально-психологической атмосферы и традиций «научных сообществ», а также от многих других социокультурных воздействий²³. Эти же примеры вносят вклад в обоснование идеи Х. Райхенбаха о том, что любой исследовательский процесс представляет собой не более чем «контекст обоснования» научного знания. Возникновение нового знания зависит от «контекста открытия», то есть совокупности влияющих на соискателя психологических факторов.

Присутствие в научной риторике российских правоведов повышенного градуса критики по отношению к законодателю нельзя не заметить. Его ощутимый уровень служит одним из первых сигналов, указывающих на необходимость поиска и изучения иррациональной стороны экспертных оценок, нашедших свое отражение в литературе.

Трудно не увидеть и то, что представители ученого мира заявили о себе как об единственно беспристрастном и компетентном знатоке, которому ведомы истинные причины стагнации уголовного права. Иные субъекты правообразования, по мнению специалистов, не отвечают заявленным требованиям. Они, по глубокому убеждению высказавшихся на сей счет юристов, должны быть исключены из процесса правопроектирования. Для их отлучения находят самые разные причины. Одна из них обнаружена в профессиональной деформированности правоприменителя. Поскольку правоохранительные органы традиционно и кровно заинтересованы в усилении режима репрессий, то уголовную по-

²² См.: Denno D.W. Criminal Law in a Post-Freudian World // University of Illinois Law Review. 2005. Oct. P. 696–697.

²³ См.: Порус В.Н. Т.С. Кун // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010.

литику предлагают формировать без учета их мнения²⁴.

Другая причина вытекает из необходимости неукоснительного следования принципу разделения властей, в нарушении которого сегодня уличают Верховный Суд. Его упрекают в посягательстве на правотворческую функцию, которую должен выполнять только орган законодательной власти, но никак не судебная власть. В последнее время именно она, по оценкам наблюдателей, издает такие постановления, которые зачастую не толкуют норму УК, а скорее ее «дописывают», что является неконституционным²⁵.

Названные меры, как считают представители науки, должны ослабить режим уголовно-правового насилия. Без внимания не оставлены и другие средства борьбы с уголовно-правовым хаосом. На их фоне выделяются усилия теоретиков по оправданию собственных оценок и убеждению заинтересованных лиц в том, что кризис уголовно-правовой сферы это не миф, а сотворенная законодателем реальность.

Для достижения поставленной задачи правоведам активно эксплуатируют слово. Высокую степень его влияния на ментальные процессы они используют в качестве основного инструмента по завоеванию равнодушных к уголовному праву умов. По источникам прослеживается, что в подбор слов и в наиболее точную передачу через них своих впечатлений от наблюдения кризисных проявлений специалисты вкладываются с особым усердием. В категоричности собственных заявлений, остроте подбираемых вербальных знаков юристы видят отражение подлинного образа выявленного ими кризиса.

Но ролью знатоков притязания представителей научного сообщества не исчерпываются. Складывается убеждение, что их интересует место активного участника объявленного кризиса. Одним из доказательств этого выступает то, что они не ограничивают себя использованием только экспрессивной силы слова, его описательной функции, с помощью которой юристы изображают положение в уголовно-правовой области.

Через вложение в слово импульсивности либо депрессивности специалисты стремятся придать ему вес и использовать уже для изменения фиксируемого ими состояния права, при этом не всегда на пользу общего дела, то есть с целью выхода из кризиса. Иначе невозможно квалифицировать участвовавшие примеры того, как юристы снимают с себя всякие ограничения и употребляют в

своих аргументах «крепкие» выражения. Замечание В.Н. Кудрявцева, адресованное в свое время А.В. Наумову, о неприемлемости использования последним не имеющих к научной полемике оборотов не возымело силы²⁶. Повсеместное и ничем не сдерживаемое распространение в научных оценках нелицеприятной или даже, как признают их авторы, жесткой лексики приближает ее к норме поведения. Дело доходит до обзывания своих оппонентов (пусть и не всегда высоко подготовленных) откровенными неучами, а их идей — глупыми и безграмотными²⁷. Не хотелось бы допускать, что в подобном рода суждениях ученые находят для себя удовлетворение.

Однако случаи проявления неуважения к авторам противоположных точек зрения, особенно к прислушавшемуся к ним законодателю и результатам его труда, приобрели массовый характер. Общепринятым стало объяснять кризис уголовного права пожизненно низким нравственным и интеллектуальным уровнем депутатского корпуса²⁸. Появились умозрительные обвинения представительного органа в неблагоприятных злоупотреблениях, которые сопровождаются не всегда конституционно обеспеченными, зачастую эмоциональными и порой дискредитирующими его заявлениями специалистов. Настойчивыми стали утверждения об опасности для общества ряда правотворческих решений и о деструктивной роли уголовного закона в социальном развитии, что создает небеспочвенное впечатление о правоведах, которые не столько ищут выход из кризиса, сколько рукотворно и почти планомерно приближают действующее право к кризисному состоянию или, как минимум, к его восприятию как препятствия на пути благополучного развития общества.

Положительного исхода ожидать не стоит. Н. Луман предупреждает, что от беспокойства система становится не просто беспокойной, но и беспокойной своим беспокойством. А беспокойство по поводу беспокойства может только увеличивать беспокойство, направлять систему исключительно по пути дестабилизации и деструктивного развития²⁹. Иными словами, ученые сами подталкивают к отторжению существующего правопорядка как логическому концу кризиса. С его обретением они связывают надежды по само-

²⁴ См.: Радченко В., Жалинский А. Уголовный закон: Большая имитация реформы // Ведомости. 2011. 23 июня; Они же. Политика изгнания бизнеса // Ведомости. 2011. 24 июня.

²⁵ См.: Кодекс раскроили в лоскуты. Молодые юристы предлагают принять новый УК // Российская газета. 2010. 16 сент.

²⁶ См.: Кудрявцев В. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2005. № 6. С. 131.

²⁷ См., напр.: Голик Ю., Коробеев А., Мысловский Е. Может ли испытывать «симптомы кризиса» то, чего не существует // Уголовное право. 2007. № 1. С. 137, 140.

²⁸ См., напр.: Бойко А.И. Отзыв официального оппонента о диссертации А.И. Ситниковой «Законодательная текстология уголовного права» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2. С. 95.

²⁹ См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. С. 84–85.

реализации при подготовке очередного уголовного-правового уложения.

Представители научного сообщества в своих ожиданиях настойчивы. Они не готовы мириться с обезнаучиванием законодательного процесса, что, безусловно, заслуживает признания и всяческой поддержки. Возможно, своей непримиримостью они стремятся решить до сих пор актуальный для современной науки вопрос ее выживания и сохранения. Однако накал их риторики порой создает впечатление, что ученые не намерены считаться и с альтернативным мнением, которое, по их убеждению, недостаточно научно обосновано. Специалисты не устраивают ни меры по гуманизации уголовного закона, ни мероприятия по его ужесточению. В их суждениях просматриваются признаки тенденциозности. Кажется, что для криминалистов уже не имеет существенного значения качество выполняемой законодателем работы. Оценки его правотворческим инициативам даются исходя из отношения к нему как лицу, к которому раз и навсегда утрачено всякое доверие. Складывается убеждение, что, несмотря на успешность законодателя, правоведы настроены вести речь о кризисе уголовного права до тех пор, пока положительно не разрешится вопрос об их более активном участии в правотворческом процессе.

С точки зрения Т. Куна, высказанные здесь предположения не лишены реальных оснований, поскольку в научных исследованиях многое подчинено жизненным ориентирам и судьбам людей, связано с ослаблением влияния научных лидеров, с угасанием страстей вокруг их мнений и предпочтений, с иными аспектами психологии и социологии³⁰. В своих работах мыслитель предостерегает нас от ложных ожиданий того, что специалисты изменят свое мнение. Смена позиции не наступит до тех пор, пока без удовлетворения будет оставаться запрос на предоставление научному сообществу возможности по более широкому участию в управлении обществом и государством³¹. Подобного рода настойчивость, как объяснял Т. Кун, может быть обусловлена стремлением достигнуть ряда субъективных эффектов. Выполнение отмеченного требования, например, будет означать для научного сообщества практический успех и признание своей правоты. До наступления этих времен, предупреждает философ, ученый будет придерживаться крайней консервативности в своих оценках собственной рациональности и почти полностью отрицать «чужую» рациональность, направленную на решение тех же вопросов.

Полный перечень субъективных факторов, влияющих на исследовательский ум, без специ-

альных познаний и приемов из области социологии и психологии знания определить затруднительно. Не менее трудоемкими оказываются попытки по установлению степени влияния этих предпосылок на процесс научной работы, ее окончательные выводы. Сложность теме задает и то, что все эти факторы носят латентный (скрытый от внешнего наблюдения) характер. Взаимостречное движение, столкновение, соединение либо отторжение внутренних реакций и внешних стимулов, как пишет Г.В. Мальцев, происходит втайне, скрыто от посторонних глаз³². Представители теории к тому же, как правило, не признают либо вовсе отрицают то, что их мыслительная и рассудочная деятельность находится под воздействием собственных или посторонних эмоций. Но проблема состоит еще и в том, что иррациональные побудители не входят в число верифицируемых наукой уголовного права объектов. Интроспекция в целом, самопознание и самонаблюдение в частности не являются для науки рассматриваемого права приоритетным направлением.

Однако каковыми бы ни были в итогеiskомые детерминанты важно понимать, что они не только существуют, но и образуют весомую часть бытия человека, по своему в нем самовоспроизводятся, влияют на индивида и несмотря на вечное стремление последнего к истинно объективному подчиняют его своей власти, а поэтому, безусловно, должны включаться в состав предмета научного интереса. Вышеприведенный уголовно-правовой опыт служит тому очередным подтверждением. Наличие в размышлениях криминалистов эмоциональных волнений, вскрывших эти переживания, сигналов и импульсов, отрицать невозможно. Трудно отнести их и к числу безотносительных, не связанных с механизмом познания издержек. Неразумно отвергать и то, что появление зафиксированных реакций происходит на фоне именно гносеологических процессов. Их проявление сопутствует развитию уголовно-правовой мысли. Уже только одно словоупотребление, по Л. Витгенштейну и Р. Харре, свидетельствует, что правоведы не столько верифицировали, сколько выстрадали свои выводы о кризисе уголовного права. По актам речевой коммуникации можно наблюдать за тем, как осознание тяжести наступающих от действия разбалансированного уголовного закона последствий и необратимости вызванных им социальных изменений уже привело деятелей науки к отрыву от научного доказывания. Они перешли к публичным выступлениям и громогласным требованиям системного обновления уголовного закона и остановки его беспорядочного изменения. Целенаправленно выбирают те вербальные

³⁰ См.: Порус В.Н. Спор о научной рациональности // Философские науки. 1997. № 3. С. 4.

³¹ См., напр.: Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М.: Норма: Инфра-М, 2014. С. 190.

³² См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма: Инфра-М, 2013. С. 128.

инструменты, которым под силу концентрированно выражать их негативное личностное отношение к теме.

Не менее значимо уметь отличать субъективные факторы от объективных, распознавать их присутствие в конкретных выводах ученого, разбираться в доле соотношения и доминирующем положении соответствующих предпосылок. Обладание таким навыком будет способствовать узнаванию творческого начала автора, его отделению от тех, которые, по словам А. Шопенгауэра, «учат, чтобы заработать деньги, и стремятся не за мудростью, а за ее кредитом и за тем, что кажется мудростью; либо учатся не для того, чтобы достигнуть знания и разума, а для того, чтобы <...> произвести респект»³³.

Кризис науки или научности?

В итоге можно констатировать, что присутствующая в выводах современных специалистов экспансивность вопреки их желанию характеризует не столько законодателя, сколько положение самой науки, самочувствие ее представителей. Она предостерегает от абсолютного доверия оценкам теоретиков и склоняет пока только к тому, что современное состояние законодательства не слишком отличается от текущего положения научного творчества. Категоричность и эмоциональность используемых выражений о причинах кризиса и его виновниках заставляет задуматься о том, что реанимации подлежат не только юридико-технические, лингвистические, политические и собственно теоретические основы права. В реабилитации может прежде всего нуждаться этико-психологический базис права, который, судя по депрессивному настроению специалистов, также исчерпал себя.

Без изучения «иррациональной» составляющей выводы ученых о кризисе уголовного права невозможно считать сколь-нибудь завершенными, а в целом состоятельными и готовыми для употребления на практике. Их научность, в том числе объективность и непредвзятость требует отдельного доказательства. В этом требовании нет ничего удивительного. Оно обращено ко всем наукам. Гносеологи отмечают, что прошли те времена, когда всякое знание, происходящее от обличенного научным статусом субъекта, априори считалось совершенным, безоговорочно принималось и одобрялось. Текущая социокультурная обстановка активно ведет к отступлению от сциентизма³⁴. Наука впредь каждый раз должна

подтверждать свою научность, в том числе через раскрытие, объяснение и оправдание внутренних механизмов принятия своих решений, через определение доли обыденности в этих решениях, их соотношении с ценностно-целевыми структурами, которые сегодня, по словам В.С. Стёпина, являются составными частями науки и необходимым условием проведения объективного исследования, получения объективно-истинного знания о всякой социальной системе³⁵.

Приближение к мотивационной стороне умозаключений криминалистов способно прояснить до сих пор остававшиеся в тени аспекты. Оно позволит обратить внимание, к примеру, на то, что обсуждаемая здесь проблема, вполне вероятно, может находиться вне плоскости законодательных или правоприменительных процессов, в чем яростно всех убеждают ученые. Возможно, дело состоит и не в стагнации самой науки. Быть может, напротив, суть вопроса скрыта в успехах науки и в накоплении новых знаний, которые увеличивают возможности ученых, расширяют их кругозор и сегодня провоцируют к более интенсивной психоэмоциональной рефлексии. Возрастание объема научных знаний, по словам Д.А. Керимова, почти всегда ведет к повышению требовательности к точности, строгости и логической последовательности практической деятельности³⁶.

Существуют также и другие, не менее реальные варианты того, что суть исследуемой здесь темы состоит не в истинности или ложности выбранного законодателем пути. Нельзя исключать, что реактивность правоведов обусловлена сугубо вкусовыми предпочтениями. Среди прочего нужно проверять то, что подлинные причины неприятия учеными законодательных инициатив могут иметь отношение к сфере индивидуальных симпатий и антипатий. Вполне вероятно, что нарекания, касающиеся, например, системы действующего уголовного права обусловлены сугубо художественными соображениями, которые, как писал В.В. Розанов, на известной ступени развития нигде не оставляют человека и нередко господствуют над ним. Художественный элемент, по убеждению мыслителя, входит в строение науки и составляет его неотъемлемую часть.

Все основания для таких допущений имеются. По развернувшейся вокруг системы уголовного права дискуссии можно проследить, что криминалисты ведут речь не столько о прочности, пользе, удобстве и прочих качествах, сколько о художественном виде интересующей их системы. С точки зрения В.В. Розанова, специалисты рас-

³³ Шопенгауэр А. Афоризмы. Мир как воля и представление / Артур Шопенгауэр; пер. с нем. Ю. Айхенвальд, Ф. Черниговец, Р. Кресин. — Минск.: Харвест, 2011. С. 1107.

³⁴ См.: Воденко К.В. Наука в современном обществе: социальные и экзистенциальные причины кризиса рационализма и пути его преодоления // Альманах современной науки и образования. 2010. № 9 (40). С. 10.

³⁵ См.: Стёпин В.С. О методологических подходах к анализу социального познания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 2014. № 13. С. 6.

³⁶ См.: Керимов Д.А. Философия и философия права // Право и образование. 2002. № 5. С. 6.

суждают о красоте системы уголовного права, к ведению которой отнесены вопросы о взаимном расположении ее органов, симметрии, соответствия и их гармонии. Поэтому нельзя исключать того, что не столько состояние структуры системы, сколько безобразный вид подталкивает ученых к ее отторжению. Неприглядная внешность, как писал философ, вполне реально может влечь наступление несовместимости системы со своими субъектами. Последние утрачивают способность жить в системе. Они впредь не в силах возбуждать в себе привязанность к ней³⁷.

Разбор внутренней составляющей рассматриваемых выводов также дает возможность взглянуть признаки смещения юристами акцентов в вопросе о виновной стороне в не востребованности науки и кризисе права. Более детальный анализ показывает, что ослабление роли науки не является каким-то чрезвычайным обстоятельством. Ее деактуализация имеет свои закономерные причины. Одна из них обнаружена средствами историко-сравнительного анализа, который свидетельствует, что симбиоз государства и научного сообщества, как правило, достигается в те периоды, когда требуется максимальная мобилизация ресурсов. Характерное для текущего периода снижение качества связи между властью и научным представительством является приметой более спокойного времени³⁸.

Другая детерминанта объясняет мотивы выбора законодателя в качестве ответственного за кризис. Она указывает на то, что пристальное внимание к нему, помимо прочего, связано с нежеланием научного сообщества обозначать подлинную роль, собственное участие в сложившемся положении дел. Хотя в действительности оказывается, что на девальвацию значения науки в обществе повлияли не только отрешенность от нее власти и сомнительное качество подготовки соискателей научных степеней. Основное воздействие на понижение статуса науки оказало пренебрежение учеными гносеологической составляющей доктрины, которая априори должна доминировать среди ее иных источников. Нивелирование значения этой компоненты в составе доктрины привело в итоге к тому, что сегодня не юридико-познавательные формы логически упорядочивают противоречивый и хаотичный эмпирический материал действующего права, а наоборот — живой и жизненный опыт законодательства воспринимается как рациональное и руководящее начало, которому должна быть подчинена доктрина права, всецело удовлетворяя его нужды.

³⁷ См.: Розанов В.В. Сочинения: О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / ред. и коммент. В.Г. Сукача. М.: Танаис, 1995. С. 471.

³⁸ См.: Колчинский Э.И. Наука и кризисы в XX в.: некоторые результаты сравнительного анализа // Экономический вестник Ростов. гос. ун-та. 2006. Т. 6. № 3. С. 141–149.

Уйдя в узкую область этатистского позитивизма теории, как оказывается, уже дошли до логического конца выбранного ими направления. Венцом этого финала стало то, что они, по сути, обесценили вид своей деятельности и в функциональном плане обезоружили сами себя. Во многом за счет личных стараний деятели науки лишились основного и возможно единственного инструмента влияния на социальную организацию — «отдали» доктрину уголовного права на откуп учреждениям власти. Сегодня она пребывает в монопольном ведении законодателя и правоприменителя, служит их прагматичным и корпоративным интересам. Проекты нормативных актов разрабатываются исследовательскими организациями по техническим заданиям заинтересованных министерств и ведомств. Творческое начало здесь исключено. Главная цель состоит в удовлетворении требований заказа, в изложении научного материала согласно заранее заданным параметрам.

Таковы самые первые результаты исследования проблемы, которых можно достигнуть при обращении науки к познанию самой себя, в том числе своих субъектов. Средства самореференции идут этому процессу только на пользу. За счет способности «взглянуть на себя», на свою практику «со стороны» наука обеспечивает возможность проверить, отточить и обогатить свои познавательные средства, создать предпосылки, как писал М.А. Барг, для перехода на качественно новую ступень освоения изучаемой действительности³⁹. На фоне гуманитарного кризиса ряд отраслей социального знания уже обратился к рефлексии собственных предпосылок. Интроспекция принесла свои плоды. Выявлен сугубо негативный опыт оставления без внимания так называемых субъективных факторов.

Поиском причин, например, экономического кризиса установлено, что их подавляющее большинство сосредоточено в области научных знаний и субъективных предпочтений модераторов этих знаний. В экономической науке зафиксирована монополизация научного знания. Многие процессы в ней происходят под влиянием доминирования одной (неолиберальной) теоретической доктрины и злоупотреблений ее сторонниками своим исключительным положением. Ученые-экономисты пропагандировали весьма ограниченные взгляды и настойчиво распространяли их среди широкой публики. Под свои одномерные финансовые представления о мире они подстраивали модели экономической эффективности и социальной справедливости, чем существенно искажали и усугубляли сложность возникшей ситуации. При этом немалая

³⁹ См.: Барг М.А. О двух уровнях марксистской теории исторического познания // Вопросы философии. 1983. № 8. С. 108.

часть специалистов в своих изысканиях была подчинена воле заказчиков и покупателей услуг, предоставляемых экономической наукой, которыми в основном являлись ориентированные на краткосрочные горизонты представители бизнес-сообщества. Желание соответствовать их требованиям доходило до смещения акцентов теоретического анализа и подмены понятий⁴⁰.

Сегодня экономической науке рекомендовано ориентироваться на устойчивое развитие, истинные и долгосрочные интересы человека, исходить из основ его существования, не заниматься противопоставлением рыночных институтов и государства. Обратиться к широкому социальному контексту, ценностным и целевым ориентирам, которые экономисты как общественно ответственные исследователи обязаны держать в поле своего внимания. Модернизировать систему базовых экономических индикаторов. Обеспечивать взаимосвязь экономического роста с уровнем социальной справедливости. Отказаться от доминирования позитивистской методологии, которая, по оценкам специалистов, и привела к утрате экономической наукой своей жизненной значимости, к снижению мировоззренческих стандартов, к утрате ряда критериев и идеалов научности⁴¹.

Отмеченные требования, надо признать, актуальны сегодня практически для всех областей знания. Делается акцент на необходимость построения человекообразной науки. Предлагается включить этическую рефлексию в состав научного поиска. Р.К. Мертонем выработано широко поддерживаемое в литературе понятие «этоса науки», предусматривающее совокупность норм, обеспечивающих объективность, самокритичность и независимость научного знания от личностных особенностей, его нацеленность на познание истины и защищенность от вненаучных интересов⁴².

Почти все вышесказанное применимо к характеристике уголовно-правовой мысли. В ней многое и на протяжении длительного времени подвержено монополии позитивизма. Развитие знания продвигается по маршрутам историцизма, при помощи редукционизма и механицизма. Преобладают уголовно-политические, то есть по определению конъюнктурные соображения. На их почве в XIX в. криминалисты уже пытались создать, как писал Хенке, совершенно новый порядок в области правосудия с достижением *maxim`a*

общественной пользы⁴³. Однако в итоге все старания закончились монографией А.Н. Трайнина, который в её названии отразил главный результат многолетней работы ученых⁴⁴.

На те же позитивистские грабли ученые наступают сегодня. Возлагают надежды на политические учения. Забывают справедливые слова И.В. Михайловского о том, что уголовная политика не есть наука⁴⁵. Она является околонучной дисциплиной, только одним из приемов обработки содержания науки. Не обращают внимания и на то, что система имеющихся знаний не отличается своей завершенностью и самодостаточностью. В современной теории уголовного права до сих пор не представлена, например, метафизика. Хотя именно она располагает апробированным веками антикризисным потенциалом. Многие отрасли знания в период глубочайших кризисов с помощью метафизических знаний заново находят себя, а в повседневности — верифицируют свои достижения.

Отсутствует понимание того, что именно метафизика, как говорил Борден Боун, лежит в основе всего мышления и всей науки. Отказ от нее ведет механическому или материалистическому фатализму⁴⁶. Без метафизического знания наука уголовного права не получит доступ к собственным предельным основаниям и не приобретет надежные источники соединения с другими отраслями знания и синтеза с наукой в целом.

Подводя итог, можно отметить, что представители теории не предлагают и на деле не реализовывают какую-либо сбалансированную модель показателей, стремящуюся к отражению основных параметров уголовного права как динамически развивающегося объекта. Набор используемых ими в своих оценках индикаторов в общем носит сформировавшийся и типовой характер, который при этом в значительной степени подчинен авторскому усмотрению и субъективному прочтению социальной действительности.

Комплект используемых показателей сложился опытным путем. Их поиск не был подчинен какой-либо цели и не имел рационального обоснования. Отбор выявленных индикаторов производился во многом на основе стихийных и интуитивных представлений о «правильном» и «неправильном». Поэтому его, безусловно, нель-

⁴⁰ См.: Рихтер К.К., Пахомова Н.В. Мировой кризис, ответственность ученых и драйверы развития экономической науки // Вестник СПбГУ. 2009. Сер. 5. Вып. 3. С. 12–20.

⁴¹ См.: Колпаков В.А. Кризис экономической науки как потеря жизненной значимости // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 12. № 2. С. 206.

⁴² См.: Merton R.K. *The Institutional Imperatives of Science* // Merton R.K. *Sociology of Science*. L.: Penguin Books, 1972.

⁴³ Henke E. *Handbuch des Kriminalrechts und der Kriminalpolitik*. V. I. Vorg., 1823. P. VIII–IX.

⁴⁴ См.: Трайнин А.Н. Кризис науки уголовного права. М.: Право и Жизнь, 1926.

⁴⁵ Михайловский И.В. *Очерки философии права*. Т. 1. Томск: Изд. кн. маг. Д.М. Посохина, 1914. С. 33.

⁴⁶ См.: Bowne B.P. *Metaphysics*. N.Y.; Cincinnati; Chicago, 1882. P. V–VI.

зя признать до конца выверенным и ориентированным на достоверное и целостное отображение состояния уголовного права как социальной ценности и национального достояния.

Рассуждения о состоянии уголовного права отличаются фрагментарностью и оппозиционностью по отношению к иным источникам и субъектам знаний. Большая часть из них не основана на совокупности детерминант, формирующихся на микро-, макро- и метауровнях бытия уголовного права. Отсутствие таких взглядов и общих знаменателей, позволяющих оценивать состояние уголовного права и его институтов, во многом объясняется отсутствием завершенной структуры знаний и не связанностью теории с формирующимся в науке новым типом рациональности.

Список литературы:

1. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 144 с.
2. Барг М. О двух уровнях марксистской теории исторического познания // Вопросы философии. 1983. № 8. С. 107–115.
3. Власенко Н.А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 40–43.
4. Воденко К.В. Наука в современном обществе: социальные и экзистенциальные причины кризиса рационализма и пути его преодоления // Альманах современной науки и образования. 2010. № 9 (40). С. 10–15.
5. Волженкин Б.В. Мифы уголовной статистики и реальности экономической преступности или реальности уголовной статистики и мифы об экономической преступности // Уголовное право в XXI в.: материалы междунар. конф. на юрид. фак-те МГУ. М.: ЛэксЭст, 2002. С. 82–86.
6. Гладких В.И. Еще раз о кризисе российской уголовной политики // Вопросы правопедания. 2013. № 4 (20). С. 54–66.
7. Гладких В.И. О некоторых тенденциях современного уголовного законодательства // Вестник Университета (Гос. ун-т управления). 2012. № 14–1. С. 232–235.
8. Голик Ю., Коробеев А., Мысловский Е. Может ли испытывать «симптомы кризиса» то, чего не существует // Уголовное право. 2007. № 1. С. 137–141.
9. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2008. 400 с.
10. Жалинский А.Э. Уголовно-правовые транснациональные конфликты в сфере экономики // Закон. 2011. № 9. С. 57–66.
11. Кауфман М.А. Аналогия в уголовном праве: мифы и реальность // Российская юстиция. 2005. № 12. С. 12–16.
12. Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М.: Норма: Инфра-М, 2014. 191 с.
13. Керимов Д.А. Философия и философия права // Право и образование. 2002. № 5. С. 4–26.
14. Колпаков В.А. Кризис экономической науки как потеря жизненной значимости // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 12. № 2. С. 203–211.
15. Колчинский Э.И. Наука и кризисы в XX в.: некоторые результаты сравнительного анализа // Экономический вестник Рост. гос. ун-та. 2006. Т. 6. № 3. С. 141–149.
16. Кудрявцев В.Л. Конституционно-правовое уголовное судопроизводство: миф или правовая реальность? // Евразийская адвокатура. 2013. № 3 (4). С. 64–71.
17. Кудрявцев В.Н. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. № 5. С. 130–131.
18. Кудрявцев В.Н., Кузнецова Н.Ф., Комиссаров В.С., Лунеев В.В. Конституция — это закон и для Государственной Думы // Государство и право. 2007. № 5. С. 13–16.
19. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
20. Лунеев В.В. Кому оно служит, уголовное законодательство? // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 2 (2). С. 104–135.
21. Лунеев В.В. Проблемы российского уголовно-правового законодательства (ч. I) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 2 (29). С. 48–59.
22. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 800 с.
23. Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск: Изд. кн. маг. Д.М. Посохина, 1914. 628 с.
24. Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл.С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. М.: Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1901. Год XII, кн. 56 (I). С. 112–129.
25. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 135–138.
26. Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 446 с.
27. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112–117.
28. Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2004. 447 с.
29. Порус В.Н. Спор о научной рациональности // Философские науки. 1997. № 3. С. 3–19.
30. Радченко В.И., Иванюк О.А., Плюгина И.В., Цирина А.М., Рарог А.И. Российское уголовное законодательство: состояние и перспективы // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. (27–28 янв. 2011 г. Москва) М.: Проспект, 2011. С. 3–8.
31. Рихтер К.К., Пахомова Н.В. Мировой кризис, ответственность ученых и драйверы развития экономической науки // Вестник СПбУ. Сер. 5. 2009. Вып. 3. С. 12–20.
32. Розанов В.В. Сочинения: О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / ред. и коммент. В.Г. Сукача. М.: Танаис, 1995. 803 с.
33. Степин В.С. О методологических подходах к анализу социального познания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 2014. № 13. С. 6.
34. Трайнин А.Н. Кризис науки уголовного права: борьба школ вокруг Германского проекта Угол. Кодекса 1925 г. М.: Право и Жизнь, 1926. 28 с.
35. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. М.: Юрайт, 2010. 779 с.
36. Чернобель Г.Т. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 3.
37. Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Типо-литогр. И.Н. Кушнерев и К°, 1900. 337 с.
38. Шопенгауэр А. Афоризмы. Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. Айхенвальд, Ф. Черниговцев, Р. Кресин. Минск: Харвест, 2011. 1279 с.
39. Bowne V.P. Metaphysics. N.-Y.; Cincinnati; Chicago, 1882. P. V–VI.
40. Denno D.W. Criminal Law in a Post-Freudian World // University of Illinois Law Review. 2005. Oct. P. 696–697.
41. Henke E. Handbuch des Kriminalrechts und der Kriminalpolitik. V.I. Vorr., 1823. P. VIII–IX.
42. Herlin-Karnell E. The Constitutional Dimension of European Criminal Law. Oxford: Hart Publishing, 2012. URL: <http://ssrn.com/abstract=2349165>.
43. Merton R.K. The Institutional Imperatives of Science // Merton R.K. Sociology of Science / ed. V. Barnes. L.: Penguin Books, 1972. P. 65–79.
44. Szwarc M. Decyzje ramowe jako instrument harmonizacji prawa karnego w UE // Państwo i Prawo. 2005. № 7. С. 22–38.
45. Weigend E. Europeizacja prawa karnego w świetle Konstytucji Europejskiej // Państwo i Prawo. 2005. № 6. S. 11–29.

State criminal law: «thresholds» and «vices» of scientific understanding

Bochkarev S.A.

PhD in Law, senior researcher Institute of state and law
of Russian Academy of Sciences,
Deputy editor Russian journal of legal studies
E-mail: bochkarvs@mail.ru

Abstract. *The article analyzes the experience of scientific understanding of the contemporary condition of domestic criminal law. An attempt to identify the main criteria and indicators which are used by experts in the evaluation and characterization of the situation in criminal law. According to the results of studies made and reasonably of the opinion that scientists used methods cannot be considered accurate and focused on reliable and consistent display the status of the criminal law, and their reasoning are fragmented and opposition in relation to other sources and subjects of knowledge.*

Keywords: *the state of the law, criminal law, indicators, type of scientific rationality, irrationality, the legislator, the authority, the citizen, the scientific community, science, scientific, crisis.*

References:

1. Alekseev A.I., Ovchinskii V.S., Pobegailo E.F. Rossiiskaya ugovolnaya politika: preodolenie krizisa. M.: Norma, 2006. 144 s.
2. Barg M. O dvuh urovnyah marksistskoi teorii istoricheskogo poznaniya // Voprosy filosofii. 1983. № 8. S. 107–115.
3. Vlasenko N.A. O krizisnykh tendentsiyah v prave // Yuridicheskaya tekhnika. 2014. № 8. S. 40–43.
4. Vodenko K.V. Nauka v sovremennom obshestve: social'nye i ekzistentsial'nye prichiny krizisa racionalizma i puti ego preodoleniya // Al'manah sovremennoi nauki i obrazovaniya. 2010. № 9 (40). S. 10–15.
5. Volzhenkin B.V. Mify ugovolnoi statistiki i real'nosti ekonomicheskoi prestupnosti ili real'nosti ugovolnoi statistiki i mify ob ekonomicheskoi prestupnosti // Ugolovnoe pravo v XXI v.: materialy mezhdunar. konf. na yurid. fak-te MGU. M.: LeksEst, 2002. S. 82–86.
6. Gladkih V.I. Eshe raz o krizise rossiiskoi ugovolnoi politiki // Voprosy pravovedeniya. 2013. № 4 (20). S. 54–66.
7. Gladkih V.I. O nekotorykh tendentsiyah sovremennogo ugovolnogo zakonotvorchestva // Vestnik Universiteta (Gos. un-t upravleniya). 2012. № 14–1. S. 232–235.
8. Golik Yu., Korobeev A., Myslovskii E. Mozhet li ispytyvat' «simptomy krizisa» to, chego ne sushestvuet // Ugolovnoe pravo. 2007. № 1. S. 137–141.
9. Zhalinskii A.E. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyi analiz. M.: Prospekt, 2008. 400 s.
10. Zhalinskii A.E. Ugolovno-pravovye transnatsional'nye konflikty v sfere ekonomiki // Zakon. 2011. № 9. S. 57–66.
11. Kaufman M.A. Analogiya v ugovolnom prave: mify i real'nost' // Rossiiskaya yusticiya. 2005. № 12. S. 12–16.
12. Kerimov A.D. Gosudarstvennaya organizatsiya obshestvennoi zhiznedeyatel'nosti: voprosy teorii. M.: Norma: Infra-M, 2014. 191 s.
13. Kerimov D.A. Filosofiya i filosofiya prava // Pravo i obrazovanie. 2002. № 5. S. 4–26.
14. Kolpakov V.A. Krizis ekonomicheskoi nauki kak poterya zhiznennoi znachimosti // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2007. T. 12. № 2. S. 203–211.
15. Kolchinskii E.I. Nauka i krizisy v XX v.: nekotorye rezul'taty sravnitel'nogo analiza // Ekonomicheskii vestnik Rost. gos. un-ta. 2006. T. 6. № 3. S. 141–149.
16. Kudryavcev V.L. Konstitucionno-pravovoe ugovolnoe sudoproizvodstvo: mif ili pravovaya real'nost'? // Evraziiskaya advokatura. 2013. № 3 (4). S. 64–71.
17. Kudryavcev V.N. Nauka ugovolnogo prava pora modernizirovat' // Ugolovnoe pravo. 2006. № 5. S. 130–131.
18. Kudryavcev V.N., Kuznecova N.F., Komissarov V.S., Luneev V.V. Konstitutsiya — eto zakon i dlya Gosudarstvennoi Dumy // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 5. S. 13–16.
19. Luman N. Social'nye sistemy. Ocherk obshei teorii / per. s nem. I.D. Gazieva; pod red. N.A. Golovina. SPb.: Nauka, 2007. 648 s.
20. Luneev V.V. Komu ono sluzhit, ugovolnoe zakonodatel'stvo? // Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii. 2013. № 2 (2). S. 104–135.
21. Luneev V.V. Problemy rossiiskogo ugovolno-pravovogo zakonotvorchestva (ch. I) // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2013. № 2 (29). S. 48–59.
22. Mal'cev G.V. Social'nye osnovaniya prava. M.: Norma: Infra-M, 2013. 800 s.
23. Mihailovskii I.V. Ocherki filosofii prava. T. 1. Tomsk: Izd. kn. mag. D.M. Posohina, 1914. 628 s.
24. Novgorodcev P.I. Ideya prava v filosofii V.I.S. Solov'eva // Voprosy filosofii i psikhologii. M.: Tipo-litogr. t-va I.N. Kushnerev i K^o, 1901. God XII, kn. 56 (I). S. 112–129.
25. Otkrytoe pis'mo professora A.V. Naumova akademiku V.N. Kudryavcevu // Ugolovnoe pravo. 2006. № 4. S. 135–138.
26. Petrazhickii L.I. Prava dobrosovestnogo vladel'ca. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1897. 446 s.
27. Pobegailo E.F. Krizis sovremennoi rossiiskoi ugovolnoi politiki // Ugolovnoe pravo. 2004. № 4. S. 112–117.
28. Popper K. Logika nauchnogo issledovaniya. M.: Respublika, 2004. 447 s.
29. Porus V.N. Spor o nauchnoi racional'nosti // Filosofskie nauki. 1997. № 3. S. 3–19.
30. Radchenko V.I., Ivanyuk O.A., Plyugina I.V., Cirina A.M., Rarog A.I. Rossiiskoe ugovolnoe zakonodatel'stvo: sostoyanie i perspektivy // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI v.: materialy Vos'moi mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (27–28 yanv. 2011 g. Moskva) M.: Prospekt, 2011. S. 3–8.
31. Rihter K.K., Pahomova N.V. Mirovoi krizis, otvetstvennost' uchenyh i draivery razvitiya ekonomicheskoi nauki // Vestnik SPbU. Ser. 5. 2009. Vyp. 3. S. 12–20.
32. Rozanov V.V. Sochineniya: O ponimani: Opyt issledovaniya prirody, granic i vnutrennego stroeniya nauki kak cel'nogo znaniya / red. i komment. V.G. Sukacha. M.: Tanais, 1995. 803 s.
33. Stepin V.S. O metodologicheskikh podhodah k analizu social'nogo poznaniya // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7: Filosofiya. 2014. № 13. S. 6.
34. Trainin A.N. Krizis nauki ugovolnogo prava: bor'ba shkol vokrug Germanskogo proekta Ugol. Kodeksa 1925 g. M.: Pravo i Zhizn', 1926. 28 s.
35. Ugolovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: sb. ocherkov / pod red. V.V. Luneeva. M.: Yurait, 2010. 779 s.
36. Chernobel' G.T. Prakticheskie aspekty prognozirovaniya zakonodatel'stva i effektivnosti primeneniya prognoziruemykh norm // Zhurnal rossiiskogo prava. 2008. № 8. S. 3.
37. Chicherin B.N. Filosofiya prava. M.: Tipo-litogr. I.N. Kushnerev i K^o, 1900. 337 s.
38. Shopengauer A. Aforizmy. Mir kak volya i predstavlenie / per. s nem. Yu. Aihenva'l'd, F. Chernigovec, R. Kresin. Minsk: Harvest, 2011. 1279 s.